

Эвристические композиции знаний — инструменты открытий

Сергей Михайлович Белозёров, президент Международного центра «Академия моделирования информации», кандидат психологических наук

• эвристичность композиций знаний • законы самоорганизации композиционных моделей знаний • структура взаимосвязей элементов знаний • новые связи в структуре — носители новых закономерностей • структурные признаки истинности знаний •

Прекрасный пример химии

Знаменитая таблица химических элементов Дмитрия Ивановича Менделеева — лучший пример для демонстрации закона естественности самоорганизации эвристических композиционных моделей знаний в психологическом пространстве человека найти трудно.

Зимой 1869 года Д.И.Менделеев вплотную подошёл к решению проблемы классификации элементов. Накопившийся материал достиг уровня «критической массы», когда у него появилось «ощущение законченного целого» и оно буквально заставляло его воплощать «готовое» в реальность, то есть снова и снова пытаться осознать ту модель, которая образовалась на подсознательном уровне и только частично проявлялась в сознании отдельными идеями и вариантами классификации.

В один из дней он собирался ехать в Тверскую губернию осматривать тамошние сыроварни, у него были свои мысли по их усовершенствованию. Однако почему-то не поехал, велел сдать билет и взялся писать на каждый элемент визитную карточку. Раскладывал химический «пасьянс» так и этак — элементы никак не укладывались в модель: то те, то другие становились «лишними» — картинка-«пазл» не получалась. Посреди дня его сморило, и он заснул на диване, не снимая сапог. Во сне элементы привиделись ему совсем в новом порядке: по мере возрастания атомного веса. В каждом горизонтальном ряду возрастание шло

от щелочных металлов к инертным газам, а в каждом вертикальном открывалось сходство признаков. Дмитрий Иванович вскочил и расположил элементы-карточки в таблицу, которую оставалось подработать совсем немного. Сначала он озаглавил её так: «Опыт системы элементов, основанной на их атомном весе и химическом сходстве». Потом зачеркнул и написал просто: «ЕСТЕСТВЕННАЯ система элементов». Действительно естественная. Настолько естественная, что кажется, будто она существовала всегда и подсказана самой природой.

Другой смысл этого слова — ЕСТЕСТВЕННАЯ самоорганизация элементов в психологическом пространстве личности Дмитрия Ивановича, а именно такая, которая действительно обладает всеми семью признаками естественности композиционных моделей, а значит, образована по закону естественности композиций и обладает эвристичностью — способностью открывать новые химические элементы, что и было доказано впоследствии учёными разных стран.

Заметим ко всему сказанному, как много сходства в том, что делал Д.И. Менделеев с элементами, с методом композиций. Он заносил элементы на карточки, т.е. материализовал поле своих размышлений, а не просто пытался построить таблицу в голове. Каждому элементу он приписывал основные признаки-свойства, то есть неминуемо шёл по логике бинарных связей: элемент-свойство, или, что то же самое, для других предметов познания — причина-явление,

признак-прогноз, деталь-назначение, решение-критерий... и т.п. Именно так это естественно делается в неосознанной части психики независимо от сознания человека.

Вероятнее всего, в день открытия таблицы он пытался сознательно разложить карточки элементов на группы по близости их свойств — это тоже одна из процедур метода композиций. Возможно даже, что он сознательно делал попытки связать свойства одной группы элементов со свойствами другой и таким образом понять логику перехода от одной группы элементов к другой, что и могло, в конце концов, привести к осознанию расположения «по мере возрастания атомного веса». А такая процедура связывания признаков или свойств групп является основной при построении психологического поля *эвристических* композиций.

Композиционные модели в методологии и теории науки

Обратимся теперь к одной из известных попыток Г.П.Щедровицкого сделать модель любого научного предмета. «Новейшие исследования по общей методологии и теории науки показывают, что в систему всякого достаточно развитого научного предмета... входят по крайней мере восемь основных типов единиц...: 1) «факты»...; 2) «средства выражения»...; 3) методические предписания...; 4) онтологические схемы...; 5) модели...; 6) знания...; 7) проблемы...; 8) задачи научного исследования... Любой достаточно развитый научный предмет может быть представлен в таком наборе блоков. Если этот предмет уже сложился, то блок-схема будет служить его изображением, а если он только ещё складывается, — выражением конструктивных требований к нему или его проектом»¹.

Почему именно восемь «типов единиц», или «блоков», образовалось в представленной «блок-схеме», или «проекте»? Не потому, что их на самом деле восемь в составе развитого научного предмета. То, что «на самом деле», не знает даже природа (потому что ей это не нужно), а мы знаем только то, что знаем, при условии, что это знание работает. Восемь (попадает в закон 6+-3) это тот ОПТИМАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ОБОБЩЕ-

НИЯ, НА КОТОРОМ ПСИХИКА МОЖЕТ ОХВАТИТЬ ПОЗНАВАЕМЫЙ ПРЕДМЕТ КАК ЦЕЛОЕ, НО УЖЕ ИЗУЧЕННОЕ И ПОНЯТОЕ ЦЕЛОЕ, ОТМЕЧЕННОЕ «СЛЕДАМИ» ПРОВЕДЁННОГО АНАЛИЗА И СИНТЕЗА.

Г.П. Щедровицкий «вышел» на свой «проект» структуры научных предметов вполне закономерно — в соответствии с законами самоорганизации психики. Это его частная композиция, которая приобретает статус общей композиции в методологической культуре, потому что она может выполнять функцию «порождающей грамматики», а именно порождать новые научные предметы, синтезируя в «проекте» разные знания об этих предметах.

Такую же функцию несёт и композиционная схема русских народных сказок В.Я.Проппа, которая первоначально родилась в личном психологическом пространстве Владимира Яковлевича, когда он стал подмечать инварианты — повторные связанные между собой композиционные «узлы» в волшебных сказках.

Оба приведённых выше открытия — явления прежде всего психологические, и в них дают о себе знать не столько законы фольклористики или методологии, сколько законы композиционного строения «предметов» «внешней действительности» в пространстве психики. У Г.П. Щедровицкого наверняка был не один вариант его «проекта» научного предмета до того, как он остановился на простом и ясном (красивом) варианте, который мы здесь обсуждаем. В.Я. Пропп тоже пришёл к своему окончательному варианту не сразу. Последние варианты у обоих авторов роднит один общий психологический признак — в каждом из них изучаемый предмет отражён целостно, а это один из основных принципов построения и функционирования *эвристической* композиции.

Поскольку любая композиция в психике человека носит процессуальный или деятельностный характер, т.е. «понимает» отражаемый предмет как процесс или как его деятельность, деятельность с ним или деятельность в нём, то она «берёт» весь предмет целиком, потому что только целое может регулировать целое.

¹ Щедровицкий Г.П. Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М.: Наука, 1984. С. 67.

«В человеческом уме... цельное понятие всегда предшествует основательному знанию этого предмета... Мы воспринимаем природу целым, но бессознательно или малосознательно»².

Ощущение красоты теории или красоты произведения искусства приходит в том случае, когда они отвечают психологическим законам самоорганизации композиций в пространстве психики.

Если развивать эту мысль дальше, то МОЖНО ЛИ СКАЗАТЬ, ЧТО КОМПОЗИЦИОННОЕ СТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ЯВЛЯЕТСЯ КРИТЕРИЕМ ИСТИННОСТИ ЕЕ СОДЕРЖАНИЯ? Другими словами, можно ли утверждать, что если мы нашли в психике человека композицию какого-либо объекта, явления или процесса (разумеется, уже в каком-то знаковом воплощении), то содержание композиции является одной из истин о существовании этого объекта, скажем, законом его развития, или точным объяснением явления, правильным пониманием процесса. Да, такое утверждение справедливо, если в содержании композиции отражён именно закон развития этого объекта (есть материал для его описания), схема объяснения изучаемого явления, механизм протекания понятого процесса, и если найденная композиция отвечает трём основным признакам естественности модели — изоморфизму, *эвристичности* и релевантности.

Поскольку вопрос я считаю очень важным, а смысл его не совсем очевидным из-за его необычности, то позволю себе ещё раз поставить его в другом выражении. Например, есть теоретически выведенное сложное представление, описывающее целый класс близких по своей природе явлений. Обязательно ли проводить эксперимент или ждать какого-либо иного практического подтверждения истинности или ложности любого из содержаний этого представления, в том числе вновь вводимого? А может быть, для этого достаточно установить, что интересующее нас содержание «укладывается» в композицию этого представления, являясь содержанием одного или нескольких её контентов, т.е. являясь фактически

одним из связующих звеньев композиции?

² Достоевский Ф.М. Записные книжки. М.: Вагриус, 2000. С. 68.

Если да, то мы будем обладать теоретическим способом проверки гипотез. Мы сможем утверждать, что

ЕСЛИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХИКИ ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОБЪЕКТЕ

МОЖЕТ БЫТЬ ОРГАНИЗОВАНА ПО ПРАВИЛАМ ПОСТРОЕНИЯ КОМПОЗИЦИИ,

ТО ОНА НЕСЁТ ИСТИННЫЕ СВЕДЕНИЯ О СУЩЕСТВОВАНИИ ОБЪЕКТА.

Значит,

ИСТИНА ОБЛАДАЕТ СВОЕЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХИКИ,

ИСТИНЕ ПРИСУЩ СВОЙ СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК,

КОТОРЫЙ И ЯВЛЯЕТСЯ ЕЁ ПРИЗНАКОМ.

Это положение открывает ещё одну грань общей мысли Гегеля о том, что гармония стоит «выше простой закономерности». Именно поэтому, как только у человека образуется целостное представление о чём-либо, когда увязываются воедино все разрозненные первоначально части представляемого события или изучаемого явления, у него возникает ощущение истинности возникшей картины: «А-а-а, теперь я, кажется, всё понял!». Инсайт наступает как раз в тот момент, когда отдельные элементы знания прилегают друг к другу, образуя новое, ещё только ощущаемое и частично осознаваемое целое, или когда в мозаику композиции удачно встраивается недостающее звено, и искра радостного понимания и одновременного схватывания целой картины пронизывает всё существо ищущего или понимающего человека.

Однако спешить с утверждением истинности открытого не следует. Необходимо проверить полученное новое «видение», новую модель на изоморфизм, релевантность и *эвристичность*. Вместе с тем заметим, что даже в истории науки, не говоря уже о менее строгих областях человеческого познания, часто новые «видения» считаются открытиями и выдерживают статус откры-

тий длительное время, не обладая при этом хотя бы одним из трёх признаков их естественности.

В истории развития математической физики одно из блестящих открытий типа *a priori* прямо указывает на реалистичность предлагаемого мной психологического подхода к теоретическому способу выведения и проверки гипотез, иначе говоря — совершения открытий. О нём повествует известный американский математик Моррис Клайн в своей книге «Математика. Утрата определённости»:

«В первой половине XIX в. физики и математики провели многочисленные исследования электричества и магнетизма. Им удалось получить небольшое число математических законов, описывающих различные электрические и магнитные явления. В 60-е годы XIX в. Джеймс Клерк Максвелл поставил перед собой задачу собрать все эти разрозненные законы и выяснить, насколько они совместимы. Максвелл обнаружил, что для математической совместимости необходимо ввести в уравнения ещё один член, который он назвал ТОКОМ СМЕЩЕНИЯ. Единственный физический смысл, который Максвелл мог придать току смещения, состоял в утверждении, что источник электричества (грубо говоря, проводник с током) должен быть источником электромагнитного поля (т.е. от него исходит — и распространяется в пространстве — электромагнитная волна)... Так, из чисто математических соображений Максвелл предсказал существование огромного класса ранее неизвестных явлений и пришёл к правильному выводу об электромагнитной природе света»³.

По своему психологическому механизму открытие электромагнитного поля Дж. Максвеллом ничем не отличается от открытия новых химических элементов Д.И. Менделеевым в его знаменитой композиции — периодической таблице. Оба учёных искали свои «открытия» в направлении указующего перста найденного ранее инвариантного отношения, а конкретнее — в пустых ячейках построенных ими композиционных матриц. Механизм этих открытий ещё раз подчёркивает единство человеческой, растительной и неживой природы. Семя «знает» план своего развития, кристаллический индивидуум «знает» свой будущий вид, оторванная

часть листа растения имеет поле, конфигурация которого повторяет утерянные ткани.

Теперь ещё несколько слов о соотношении истины и строения моделей в психике.

Законы самоорганизации психологического пространства суть не что иное, как следствие адаптации его архитектоники к восприятию, пониманию и предсказанию мира.

Выстраиваясь по этим законам, психика приспосабливается к адекватному постижению мира, настраивается на неискажающее принятие истины, готовится к предвидению того, что может произойти в мире. И это естественно для общей эволюции человека. Анатомия и физиология нашего физического тела также совершенствовались организацию в своём приспособлении к жизни во внешнем мире — к воздуху, воде, пище, тяготению, свету, температуре. Мы верим его органам и благодаря им быстро «понимаем», познаём и приспосабливаемся к меняющимся условиям окружающей среды.

Мир не сотворён так, чтобы он был воспринимаем человеческим существом, его чувствами и его разумом. Наоборот, все человеческие органы (восприятия, чувствования, мышления и движения) сотворены процессом взаимодействия человека с миром для жизни в нём. Организация анатомии и физиологии тела, так же как и организация архитектоники человеческого разума (правильнее сказать — психологического пространства, или пространства психики) специально приспосабливались в процессе эволюции для восприятия истин о мире и его прогнозирования.

Поэтому если новые закономерности внешнего мира обнаруживаются в композиционных моделях адекватно настроенной психики, то они могут считаться действующими во внешнем мире. Вот почему, когда мы открываем в пространстве психики организованные образования и познаём законы их строения, перед нами предстают удобные вместилища будущих истин и прогнозов. Поиск этих вместилищ-«раковин» в глубинах психики ведётся метафорическими средствами воображения и интуиции, а математика прихо-

³ Клайн М. Математика. Утрата неопределённости. М.: Мир. С. 387–388.

дит к месту залегания «раковин» с наиболее точным формализованным инструментарием их вскрытия и добывания жемчужин истин и прогнозов.

ОТКРЫТИЯ МАТЕМАТИКИ ИСТИННЫ не потому, что всегда и при всех условиях подтверждаются найденные ею законы (они тоже имеют ограничения своего действия), но ПОТОМУ, ЧТО

МАТЕМАТИКА ЯВЛЯЕТ СОБОЙ СТРУКТУРУ САМООРГАНИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО. А ИМЕННО СТРУКТУРА — ТА СУБСТАНЦИЯ ПСИХИКИ, В КОТОРОЙ ТОЛЬКО И МОГУТ СУЩЕСТВОВАТЬ ЗАКОНЫ МИРА, ПОСТИГАЕМЫЕ ЧЕЛОВЕКОМ.

Ведь именно

своей организацией — структурой — психика приспосабливается к внешнему миру и через это адекватна ему, понимает его, постигает его законы, предвидит его изменения.

Было бы неестественным, если бы мы стали искать законы внешнего мира не в структуре психики, а именно не в связях её различных содержаний, а в её отдельно рассматриваемых содержаниях. С этим легко согласиться, если понять, что ОСНОВНЫЕ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ МАТЕМАТИКИ ВСЕГО ЛИШЬ ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ЗАКОНОВ САМООРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.

Альберт Эйнштейн как-то сказал: «Самое непонятное в мире то, что он понятен...»⁴. На первый взгляд, это парадоксальное высказывание о понимании мира человеком. Но, представляя психику как самоорганизующееся пространство, уподобляющееся порядком своей организации внешнему миру, мы с вами легко выходим из этого парадоксального круга. Понимание мира становится построением рядом с ним внутреннего мира человека, который не копирует внешний мир, а только выделяет из него «невидимую» существенную конструкцию, которую человек применяет для выживания

в ещё неизвестных ему сферах окружающего мира.

⁴ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. IV. М., 1967.

Вообще говоря, любой «культурный организм» выполняет одну из психологических функций человека либо является предметом этой функции, поскольку культура, понимаемая в самом широком смысле, начиная с очеловеченной природы и заканчивая специфически человеческими искусственными для природы продуктами человеческой деятельности, есть проявление и выражение психики, иначе говоря — запечатленная и воплощённая психика.

Но если любой «культурный организм» — произведение, теория, общее мировоззрение — строится по законам композиции, то есть представляет собой выражение, проявление системы инвариантных отношений (контентов), то и математика не попадает в исключение. Она как раз наиболее явно и отчётливо выдаёт строение психологического пространства. В организации периодической системы Д.М. Менделеева или в Зодиакальной системе этот факт не очевиден сразу, его нужно специально показывать, а любая математическая формула — прямое тому свидетельство: САМ СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ ФОРМУЛ — ЭТО СПОСОБ ФИКСАЦИИ ИНВАРИАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Ещё один факт из рассмотрения наук, как проявлений построения внутреннего мира человека, легко найти в истории их развития. Всем наукам присущ общий ход их внутреннего развития. Покажу его этапы, повторяющиеся, по существу, этапы построения композиции в человеческой психике.

Возьмём, например, астрономию. «Предмет астрономии и ход её развития так просты, что тут не могло быть сомнения, какие моменты её развития принять за поворотные пункты. Эти пункты обозначены четырьмя великими именами: греком Гиппархом, славянином, поляком Коперником, немцем Кеплером и англичанином Ньютоном... До Гиппарха вся деятельность астрономов состояла в собирании фактов... Это будет, следовательно, ПЕРИОД СОБИРАНИЯ МАТЕРИАЛОВ...

Масса фактов скопляется, и обозреть её становится невозможным. Тогда является существенная потребность привести их в систему... Более чем вероятно, что первый опыт систематизации даст нам только

систему искусственную... Система Гиппарха была системой искусственной. Она не выражала собою сущности явлений... Всякая система, хотя бы и искусственная, представляет ту неоцененную пользу, что даёт возможность вставлять всякий новый факт на своё место. Он не остаётся в отдельности, а, вступая в систему, должен с нею гармонизировать. Если он действительно гармонизирует, то тем самым её подтверждает... Гиппарховский период должно, следовательно, назвать ПЕРИОДОМ ИСКУССТВЕННОЙ СИСТЕМЫ.

Крайняя сложность привела ясный славянский ум Коперника в сомнение, и он заменил Гиппархову, или (как её обыкновенно называли) Птолемею, искусственную систему своею естественною системою, в которой всякому небесному телу назначено было то именно место в науке, которое оно занимает в действительности. Следовательно, этот великий человек ввёл АСТРОНОМИЮ В ФАЗИС, ИЛИ ПЕРИОД, ЕСТЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ...

Открылась возможность вычислять расстояние планет одной от другой и... от центрального тела... Эти расстояния оказались... связанными как между собою, так и со скоростью обращения простыми отношениями, получившими название Кеплеровских законов... Но сами эти законы оставались между собой разъединёнными, как бы случайными, не вытекающими из одного общего, ясного и понятного уму начала... Законы, только связывающие между собою известные явления, но не объясняющие их, называются частными эмпирическими законами. Следовательно, Кеплеровский период развития астрономии мы можем назвать ПЕРИОДОМ ЧАСТНЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ.

Наконец, Ньютон открывает то общее начало, которое не только объёмлет собою все частные законы (так что они проистекают из него как частные выводы), но... даёт им и объяснение... Следовательно, Ньютонский период астрономии должен быть назван ПЕРИОДОМ ОБЩЕГО РАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНА. Он завершает собою науку... Никакой переворот в науке, достигшей этой степени совершенства, уже невозможен и не нужен...»⁵. Этот четвёртый этап —

период рационального закона — есть тот желанный этап развития эвристических композиций знаний, которые максимально пригодны не только для эффективной организации обучения, но и для совершения открытий новых знаний.

Итак, вы видите, что методология развития науки, построения её исследований, предметов и методов естественно носит композиционный характер. Не составляет исключения в этом смысле теория и методология композиционного метода. Вот о чём я и хотел поговорить с вами в заключение этой небольшой, но крайне важной статьи.

Бессознательные модели-композиции умнее тех, которые обычно строит наше сознание.

Значит ли это, что нужно жить, понимать, объяснять, выражать и действовать по ним без всяких оговорок? Нет.

Они умнее в том смысле, что самособираются по законам самоорганизации внутреннего мира человека,

обеспечивающим гармоничное соотношение всех элементов по отношению друг к другу и к конечному смыслу всей композиции. Иначе говоря, структурно они всегда естественнее, правильнее, чем модели нашего сознания, которое делает немало ошибок при сборке моделей, не соблюдая естественных законов самоорганизации психики, действующих в бессознательной сфере. А вот что касается содержимого самих моделей, материала из которого они строятся, то в моделях, организующих взаимоотношения, поведение, общение и жизнь человека, этот материал как раз оценивает сознание с помощью индивидуальных или общественных норм, правил, законов, мнений, принятых взглядов, нравов и т.п.

Разница между моделями внешнего и внутреннего мира

Мы хотим понимать, действовать и жить, совершая как можно меньше ошибок и в обучении, и в

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 142–144.

профессиональной деятельности, и в жизни, поэтому отдаём предпочтение таким моделям, которые отражают истинное положение вещей и не допускают ошибок с максимальной вероятностью. Из формирования теории и практики применения метода композиций постепенно становилось ясно, что истинное содержание приобретает в психике естественную форму — эвристическую композицию.

Но, говоря об истинности содержания композиций, необходимо чётко различать статус его истинности в композициях о внешнем мире (о природе, обществе, культуре) и в композициях внутреннего мира человека о его жизни, поведении, деятельности, обучении, состоянии здоровья и т.п.

Истинное содержание о внешнем мире объясняет, прогнозирует практику и подтверждается ею; оно истинно для всех людей.

Истинное содержание о внутреннем мире объясняет и прогнозирует его проявления — проблемы и успехи, здоровье и болезни, характер и предпочтения; оно истинно для одного конкретного человека.

Истинное содержание о внутреннем мире человеку не может быть плохим или хорошим с точки зрения всех. Расценить его может только его хозяин — сам для себя. Если мы установим общественную истину, что он подлец или человек чести, то это лично для него ни хорошо и ни плохо, т.к. с точки зрения нравственного кодекса его личной совести он может иначе и даже прямо противоположно расценить свои слова и действия. Оправдывает или обвиняет себя, в конечном счёте, только сам человек на суде собственной совести, происходящем в его внутреннем мире, где все другие люди, обстоятельства, законы и нормы морали присутствуют не так, как во внешнем мире, а так, как он их воспринимает и понимает,

какое место он им отводит. «**Нравственно** только то, что совпадает с нашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы её воплощаете»⁶.

Разумеется, это не даёт оснований человеку не подчиняться законам и нормам жизни общества, если он хочет быть адекватным этим законам и нормам и собирается жить в этом обществе. Речь идёт только о свободе его совести, без которой человек не может быть личностью. А общество без личностей превращается в стадо, в массу. И поскольку человек в обществе представляет собой составную часть целого, то его индивидуальное чувство красоты, его нравственность должны соотноситься с чувством красоты этого целого — общества, с его нравственностью. Ведь «красота заключается во внутренней согласованности друг с другом различных аспектов опыта для создания максимальной эффективности... Совершенство красоты определяется как совершенство гармонии, а совершенство гармонии определяется в терминах совершенства субъективной формы целостного заключительного синтеза... Любая система..., если она прекрасна, тем самым уже имеет право на существование. Однако она может быть лишена этого права... если она подавляет больше красоты, чем производит сама. Такая система... оказывается злом для своего окружения»⁷.

Так, если красота и нравственность общества подавляют большую часть красоты и нравственности внутреннего мира составляющих его людей, то такое общество оказывается злом для его граждан, и его отношение к ним не может быть истинным. Наоборот тоже может быть: по мере утверждения индивидуальной красоты и нравственности внутреннего мира одного человека сначала в близком кругу общения, затем в большой группе, социальном слое и обществе в целом, как это было в гитлеровской Германии или сталинской России.

Так, если два, три и более людей не уживаются вместе, то красота и нравственность их внутренних миров не согласуются и не соединяются в новое целое, новую гармонию, новый внутренний мир их сообщества. «Дисгармония... возникает благодаря тому, что виды красоты различны и не всегда совместимы»⁸.

Итак, если человек находит в своём внутреннем мире композицию, благодаря которой он понимает, откуда происходят его проблемы, различные симптомы его

⁶ Достоевский Ф.М. Записные книжки. М.: Вагриус, 2000. С. 55.

⁷ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 655, 656, 669, 670.

⁸ Там же. С. 670.

заболеваний, его неправильное понимание чего-то, то он считает верным, истинным такое содержание композиции, правильно объясняющим и точно прогнозирующим. Но жить по такой модели он не хочет, он желает так изменить её содержание, чтобы исчезли симптомы болезней, проблемы в работе и взаимоотношениях, ошибки в понимании реального положения вещей, обстоятельств, в которых он общается, живёт и действует.

Первая самостоятельно собранная композиция на волнующую человека тему, в которой его что-то не устраивает, приносит ему только истину о нём, объясняет его, но она не совершенна, так как её содержание пока ещё приводит к болезням, проблемам и ошибкам. Значит нужно изменить её содержание, чтобы оно не только было бы истинным, но и вело человека к совершенствованию здоровья, жизни, работы, обучения и взаимоотношений с людьми. Такое изменение содержания приводит к построению второй композиции, которая, кроме истины для этого человека, несёт ещё и самозапрограммированные условия и возможности его совершенствования. Содержание второй композиции мы с вами можем назвать и истинным, и совершенным, и пророческим, если хотите.

Не так обстоит дело с композициями о внешнем мире. При их построении важно так подобрать и расположить все элементы их содержания относительно друг друга, чтобы соблюдались все законы организации внутреннего мира. И если при жёстком следовании этим законам вам удастся собрать композицию из имеющегося у вас содержания об объекте внешнего мира, то вам откроются истинные знания об этом объекте и прогнозы его изменений, и новые знания.

Действительность, окружающая человека, — это место, где обнаруживаются факты.

Психика человека — единственное место, где только и можно найти истину.

И в самом деле, во внешнем мире не было, нет и в принципе не может быть таблицы Дмитрия Ивановича Менделеева. Там есть только элементы и их свойства. А таблица могла возникнуть только во внутреннем мире великого химика.

«Пока факты не сопоставлены сообразно их естественному сродству, не приведены в естественную систему, они не дадут правильных выводов, не выкажут своего настоящего полного смысла»⁹.

По сути, такое же основополагающее утверждение находим и у А.А.Блока:

«Всякая мысль прочна и завоевательна только тогда, когда верна основная схема её, когда в её основании разумеется чертёж сухой и единственно возможный»¹⁰.

Резюме:

Психика самоорганизуется, чтобы открывать законы и правила, по которым человек может жить в окружающем его мире, следовательно, если открыть законы её самоорганизации, то по ним можно построить технологию открытия законов и правил, действующих во внешнем мире.

Что, собственно, и было сделано в ходе разработки теории и метода композиций (на их основе в Академии моделирования информации и были созданы информационные технологии синтеза и анализа эвристических композиций для производства моделей знаний, моделей профессиональной и учебной деятельности, моделей поведения, периода жизни — ati-ow@mail.ru).

Теория композиций и её метод свободны, потому что не обременены содержанием предмета теории.

Качественное отличие теории композиций от любых других — психологических и непсихологических (кроме математических) — состоит в том, что она не относится к внешнему миру заранее никакими своими содержаниями:

все формы теории композиций, готовые принять содержание из внешнего или внутреннего мира, свободны!

Даже априорные категории философской системы Иммануила Канта, хотя он и стремился к

⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 78.

¹⁰ Блок А.А. Дневник. М.: Сов. Россия, 1989. С. 227.

нахождению чистых априорных форм, весьма содержательны: они своими строго определёнными назначениями уже навязывают вам способ видения мира и работы с ним, а значит, и его содержание, которое окажется у вас в голове.

Я уже не говорю об основных понятиях любой из психоаналитических теорий: любое из них диктует вам, чем себя наполнять, и этим превращает себя в «прокрустово ложе». Поэтому видение внешнего мира через призму всех подобных теорий предвзят, и его содержание в голове у человека, который будет придерживаться этих теорий, будет заранее известно в своих основных характеристиках. В отличие от них

теория композиций — свободная теория моделирования и внешнего, и внутреннего мира, не навязывающая своего содержания человеку, моделирующему их для их понимания и прогнозирования.

Она подобна прозрачному стеклу, через которое моделируемый мир виден во всех своих деталях.

Она задаёт только систему отношений, в которых эти детали нужно компоновать в модели.

Герменевтический ход

Композиционный характер герменевтического подхода в познании тоже обнаруживает свои эвристические возможности. Приводимые здесь выдержки из знаменитой работы Поля Рикера «Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике» с очевидностью подтверждают композиционный характер герменевтических процессов, равно как и результатов. Все основные, на мой взгляд, мысли этой работы, представленные вам, подтверждают, что предмет герменевтики, называемый П. Рикером и его коллегами «упорядоченный динамизм», «концептуальная схема», «внутренняя связь текста», «автономная сущность внутренних зави-

¹¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. С. 6.

¹² Там же. С. 97, 148.

симостей», строится и функционирует по законам и принципам композиции.

Итак, они перед вами.

Начну с того, что «герменевтическая проблематика... оказывается выведенной из психологии»¹¹. «Идея герменевтики, понятой как наука о правилах толкования, родилась, прежде всего, в экзегетике библейских текстов... Дильтей в своей объёмной статье «Истоки герменевтики» писал: «Мы называем экзегетикой, или толкованием, то или иное искусство понимания чётко зафиксированных жизненных проявлений», или ещё: «Искусство понимания вращается вокруг толкования человеческих свидетельств, сохранённых с помощью письма», и ещё: «Мы называем экзегезой, или истолкованием, искусство понимания записанных проявлений жизни». Итак, что же истолковывает эта выведенная из психологии наука?

«Необходимо... рассмотреть *внутреннюю связь текста*.. Именно на этом уровне возникает проблема герменевтики, как я её понимаю. Как мне представляется, всё происходит на уровне сложной единицы слова. Как раз здесь явно проступает обмен между процессом зарождения и структурой... Слово, я считаю, должно выступать... узлом всех обменов между структурой и функцией... Потому, что само слово находится на пересечении языка и речи, синхронии и диахронии, системы и процесса»¹².

Комментарий

Эту точку зрения вполне можно поддерживать, если придать слову статус выразителя триединой психологической единицы, содержащей аффективную (чувственно-эмоциональную), когнитивную (умственную, интеллектуальную) и смысловую (волевою) составляющие человеческой психики. Благодаря своему триединому строению психологическая единица композиции может быть «узлом всех обменов между структурой и функцией» и находиться на пересечении «системы и процесса», как было уже показано ранее при описании структуры и функций композиции и её единиц.

Даже в герменевтической трактовке бессознательного от П. Рикера её невидимый предмет косвенного истолкования через конструирование явственно проступает естественно-научный подход, характерный для исследования композиций:

«То, что полагается как бессознательное, по-моему, может быть только этапом, абстрактно отделённым от самопонимания». «Бессознательное есть объект в том смысле, что оно «конституировано» совокупностью герменевтических приёмов, которые его расшифровывают; оно не абсолютно, оно существует благодаря герменевтике как методу и как диалогу.

Вот почему в бессознательном нельзя видеть фантастическую реальность, надо понять его относительность, которая... ничем не отличается от относительности физического объекта, вся реальность которого относительна совокупности научных процедур, которые его конституируют». «Сознание — это порядок конечный; бессознательное — порядок изначальный»¹³.

Говоря о возможности анализа порядка системы, П. Рикер утверждает то же, что верно и для композиций: «Совокупность знаков, чтобы её можно было подвергнуть анализу, должна пониматься как замкнутая система...» Далее он приводит высказывания Ельмслева: «За каждым процессом нужно суметь увидеть систему»... Так Ельмслев определял структуру: «автономная сущность внутренних зависимостей». «Именно этой новой концепции структуры как упорядоченному динамизму и предстоит одержать верх над изначальным структуризмом; она победит, интегрировав его». Она — эта новая концепция структуры — действует и в композициях...

«Изучая интерпретации «Моисея» Микеланджело и — ещё лучше «Царя Эдипа» Софокла или «Гамлета» Шекспира, мы можем утверждать, что ЕСЛИ ЭТИ РАБОТЫ ПРИНАДЛЕЖАТ К ЧИСЛУ ТВОРЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ТО ИМЕННО В ТОЙ МЕРЕ, В КАКОЙ ОНИ являются не простыми проекциями конфликтов, переживаемых их создателями, а ВЫСТУПАЮТ ПРОЕКТАМИ РЕШЕНИЯ ЭТИХ КОНФЛИКТОВ... ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА идёт вперёд, обгоняя самого художника; оно — ПРОСПЕКТИВНЫЙ СИМВОЛ ЛИЧНОСТНОГО ЕДИНСТВА, символ его будущего, а не просто регрессивный симптом его неразрешённых конфликтов»¹⁴ (выделено мной. — С.Б.). Точно так же и построение композиционной модели суть поиск способа понимания ситуации и/или выхода из неё — разрешения.

И в завершение своего анализа Поль Рикер обращается к мысли Клода Леви-Строса, из которого он делает фундаментальный вывод, целиком и полностью предопределённый законами организации композиций:

«Марксизм, если не сам Маркс, зачастую вёл свои рассуждения так, как если бы практики непосредственно вытекали из праксиса... Мы считаем, что МЕЖДУ ПРАКСИСОМ И ПРАКТИКАМИ ВСЕГДА СУЩЕСТВУЕТ ПОСРЕДНИК, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СХЕМОЙ.. Именно эту теорию о надстройках, набросок которой был дан Марксом, мы хотели бы поддержать...

Этнография — это прежде всего психология»

(выделено мной. — С.Б.). «СТРУКТУРЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ НАДСТРОЙКАМИ ПРАКСИСА, КОТОРЫЙ, согласно Леви-Стросу и Сартру, «ДЛЯ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ ЯВЛЯЕТСЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ТОТАЛЬНОСТЬЮ» (выделено мной. — С.Б.).

Однако, несмотря на пронизанность герменевтического подхода законами и принципами организации существования композиций, что вполне естественно, у композиционного подхода есть существенное преимущество. Оно состоит в том, что в моделях, которые создаёт или анализирует герменевтика, схемы объяснения уже заложены, а в моделях, которые создаются методом композиций, объяснительные и прогностические схемы обнаруживаются только после построения модели. И само построение модели служит средством поиска схемы объяснения и прогнозирования изменений того объекта, процесса или явления, модель которого строится. Это мощное эвристическое преимущество композиционных моделей может и должно использоваться в обучении школьным и вузовским предметам. □

¹³ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. С. 77, 164, 175.

¹⁴ Там же. С. 217, 218.